

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-184-195
УДК 812.161.1

История из писем и воспоминаний. Константин Лигский — «дорнахский антропософ» *

© 2018, Д. Оболенска

Аннотация: Статья посвящена Константину Лигскому, ставшему после революции 1917 г. известным коммунистическим деятелем. Анализируется период 1914–1916 гг., когда Лигский вступил в Антропософское общество и работал на строительстве Гетеанума в Дорнахе. Скучная информация, содержащаяся в письмах и воспоминаниях людей, знакомых и друживших с Лигским, позволяет выстроить короткую историю о «дорнахском антропософе», как называл его Андрей Белый.

Ключевые слова: Константин Лигский, антропософия, Дорнах, витражи.

Информация об авторе: Диана Оболенска, д.ф.н., профессор, Гданьский университет, Польша. E-mail: diana.obolenska@ug.edu.pl

Цитирование: *Оболенска Д.* История из писем и воспоминаний. Константин Лигский — «дорнахский антропософ» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 184–195.

*

NARODOWY PROGRAM
ROZWOJU HUMANISTYKI

Научный труд финансово поддержан проектом «Национальной программы развития гуманитарных наук» Министерства науки и высшего образования Республики Польша: Польская культура и западная эзотерическая философия 1890–1939 гг. (0186/NPRN4/H2b/83/2016). К изданию готовятся четыре тома научных работ по теме «Польская культура и западная эзотерическая философия 1890–1939 гг.». В состав темы войдет и история польской антропософии, впервые так детально исследованная польскими учеными.

В известном письме к помощнику прокурора РСФСР Рубену Павловичу Катаняну Андрей Белый писал: «Что отношение к Октябрьской революции у большинства русских антропософов на Западе и у нас было положительным доказывает ряд примеров, из которых приведу лишь несколько: а) дорнахский антропософ, с которым вместе работал я по резной скульптуре в 1915–1916 годах, Константин Андреевич Лигский, с момента революции бросает работу, является в Россию, становится членом Коммунистической партии с 1918-го года, ведет видную работу в Ленинградском Отделе Управления; и до смерти остается верным советским работником (консул в Варшаве, Токио, Афинах <...>»¹.

Историю «дорнахского антропософа» Константина Андреевича Лигского (1885–1936) можно было бы реконструировать по письмам и воспоминаниям других антропософов или близких ему людей. Из малых элементов человеческой памяти, зафиксированных в эпистолярной форме, складывается общая картина личности Лигского, принимавшего участие во всех важных событиях начала XX в. Антропософский этап в жизни нашего героя имел иное пространство существования по сравнению с другими, известными «пространствами» — Андрея Белого, Маргариты Сабашниковой-Волошиной или Аси Тургеневой. Определение «иное» относится к набору тех конститутивных признаков, которые чаще всего определяли путь русских антропософов первого поколения: встреча с Рудольфом Штейнером, работа на постройке Гетеанума, вступление в Антропософское общество и в дальнейшем сложная антропософская работа при Штейнере или после возвращения в Россию.

По свидетельству Андрея Белого, Лигский в 1917 г. «с момента революции бросает работу <антропософскую — Д.О.>, является в Россию». Вместе с тем антропософская идея не была для него отвлеченным началом, но уходит внутрь его размышлений; занимая государственные должности, он неоднократно помогал бывшим коллегам-антропософам. Согласно воспоминаниям Маргариты Сабашниковой, в январе 1921 г. Лигский, будучи уполномоченным Народного комиссариата иностранных дел в Петрограде, пристроил ее там на работу: «Эта зима была хороша с января. Благодаря Лигскому я имела комнату в Наркоминделе и обеды из интернациональной гостиницы, служила в библиотеке, немного начала работать у Татлина, <...> и мне эта зима много дала. А главное, что было хорошо, и из-за чего я осталась в Петрограде, это кружок людей <антропософский — Д.О.>, интересующихся нашей

¹ Андрей Белый, Григорий Санников: Переписка 1928–1933 / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Санникова. М., 2009. С. 186.

наукой, с которыми я занималась»². Однако Сабашникова жаловалась М. Волошину в сентябре того же года, что после отъезда Лигского в Польшу, на место заведующего консульским отделом в Варшаве, у нее сразу же возникли проблемы на новом месте работы: «Я бы сейчас могла осуществить свои художественные мысли, потому что нашла путь ученья <антропософии — Д.О.> или нащупала и могла бы планомерно работать, но начну этот сезон без места (Лигский уехал в Варшаву консулом и меня сейчас же всего лишили <...>»³.

В период службы в консульском отделе в Варшаве Лигский был, безусловно, осведомлен о действующих польских и русских антропософских кружках. Русский антропософский кружок в Варшаве с конца 1920-х гг. возглавлял Александр Поццо, знакомый Лигского еще по дорнахскому периоду. Историю появления Поццо в Варшаве описывает в воспоминаниях Леон Мантейфель⁴. Осенью 1928 г. в Дорнах приезжает председатель варшавского антропософского кружка и обращается к Екатерине Ильиной (заведующей «Русским Домом» в Дорнахе) с просьбой перевести некоторые работы Штейнера на русский язык. Просьбу эту Ильина передала Наталье Тургеневой-Поццо, жене Александра Поццо. Во время разговора было решено, что Поццо зимой поедет в Варшаву и будет помогать в антропософской работе. Так и случилось, а пребывание Поццо в Варшаве продлилось семь лет. Лекции он читал по-русски, так как не знал польского языка. В кружке работали над драмами-мистериями Штейнера в переводе Николая Белоцветова. Благодаря Поццо к варшавским антропософам присоединились мать Наталии и Аси Тургеневых — София Кампиони⁵ и дочь Александра Поццо — Мария, которая будет вести эвритмические занятия вплоть до 1939 г.

Встречался ли Лигский, официально или неофициально, со знакомыми антропософами в Варшаве — неизвестно. Однако мысль о том, что это возможно, подтверждается обращением к некоторым воспоминаниям и письмам его современников.

² Волошин М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. Т. 11: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Кн. 2: 1906–1924. М., 2015. С. 711. О том, что в трудную минуту Лигский не забывал друзей, Сабашникова пишет и в «Зеленой змее» (Сабашникова-Волошина М. Зеленая змея: История одной жизни / Пер. М. Жемчужниковой. М., 1993); см. также воспоминания А.В. Амфитеатрова (Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М., 2004).

³ Волошин М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. Т. 11: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Кн. 2: 1906–1924. С. 712.

⁴ Manteuffel L. Aleksander Pozzo. Машинопись // Собрание Ванды Хжановской.

⁵ См. также: Юнгрен М. Наталия Поццо и Варвара Кампиони: две сестры Аси Тургеневой // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2017.

Многоговорящее определение Андрея Белого «дорнахский антропософ» постулирует более или менее известные факты участия Лигского в антропософском движении. В этом определении заключены два основных фактора, повлиявших на путь Лигского в антропософии. Во-первых, в Дорнах он приехал, как свидетельствуют воспоминания Андрея Белого, в 1914 г. («Июль 1914 года: <...> к Ильиной⁶ переселился и К.А. Лигский <...>»)⁷, а антропософом стал позже, в январе 1915 г., после личной встречи с Рудольфом Штейнером («Январь 1915 года: К.А. Лигский знакомится с доктором и готов вступить в А.О.»)⁸. Во-вторых, он принадлежал к первому поколению русских антропософов, лично знавших доктора.

Очень вероятно, что увлечение Лигского антропософией развивалось под влиянием Маргариты Сабашниковой, во всяком случае, знакомство и беседы с ней послужили для него определенным толчком к изучению антропософии. Сабашникова, как известно, долгое время была «гарантом» для русских антропософов, и именно через нее проходили заявления желающих присоединиться к движению. Вот как об этом вспоминает Н.К. Бальмонт: «Маргариту друзья звали Марго. Марго в Штутгарте двадцать пять лет прожила безвыездно. Я ей написала большое письмо, за много-много лет. Мы с ней очень дружили, когда она жила в Петербурге, в Петрограде. К ней туда приехал из-за границы ее друг, Лигский, он во время 1905 года бежал в Германию»⁹. По другим сведениям, побег за границу был совершен Лигским в 1910 г. с Нерчинской каторги¹⁰, куда его сослали за революционную деятельность в конце 1906 г.¹¹ Будущий «дорнахский антропософ» посетил Штутгарт, скорее всего, в 1902 г., после того как покинул юридический факультет Московского университета; по возвращении Лигский поступил в военно-медицинскую академию

⁶ Екатерина Александровна Ильина — антропософка, с 1913 по 1922 г. принимала участие в постройке первого Гетеанума; переводчица лекций и работ Рудольфа Штейнера.

⁷ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 6. Париж, 1988. С. 404.

⁸ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 8. Париж, 1989. С. 425.

⁹ *Айдинян С.* В ореоле памяти: Константин Бальмонт. Шуя: Изд. Музея К.Д. Бальмонта, 2005. URL: <http://aidinian.org.ru/knigi/st-ajdinyan-balmont-v-oreole-ramyati> (дата обращения: 19.04.2017).

¹⁰ *Старр Л.* Умер Костя Лигский // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 8/9. Этому тяжелому периоду Лигский посвятил такие произведения, как “Via dolorosa” (Энергия. Сб. II. СПб., 1914), «Ты одинок» (Современник. 1911. № 9), «У гроба Сазонова» под псевдонимом Вчерашний Зерентуец (Былое. 1910. № 13).

¹¹ См. примечания к письму Андрея Белого Иванову-Разумнику 17 июля 1920 г.: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 211.

в Петербурге (1903), которую не окончил по причине ее закрытия. Тогда же он вновь уехал на полгода в Европу¹². Пребывая с 1910 г. за границей, он сблизился с масоном Михаилом Осоргиным, а потом с Александром Амфитеатовым, оставившим воспоминания о Лигском: «Характер Константина Андреевича был не из легких. Образования и воспитания он был тюремно-каторжного, нрава соответственно угрюмого и подозрительного. Лопатин¹³ шутя называл его “неоближенным медвежонком”. Надо было пуд соли с ним съесть, чтобы из-под грубой, тяжеловесной внешней оболочки выглянул настоящий Лигский: душа добрая, но выбитая бурей из равновесия и жестоко израненная, глубокая по чувству при недостатке умственной силы и знания, страстная до пылкости в исканиях удовлетворенности житейской, философской, религиозной, эстетической. <...> Я думаю, что, вопреки зубрежке материалистических авторитетов и социалистической “службе”, Лигский, иногда резкий атеист на словах, втайне если не был религиозен, то очень скучал без религии и желал бы ее найти»¹⁴.

Несмотря на то, что фамилия Лигского упоминается в письмах и воспоминаниях Андрея Белого, Амфитеатрова¹⁵, Сабашниковой, Бориса Пильняка¹⁶, личность этого интересного человека вырисовывается как бы обаятая туманом¹⁷. И если относительно периода его жизни, связанного с политической деятельностью до и после пребывания в Дорнахе, фактов достаточно много, то детали его антропософской биографии весьма скудны. Мало информации сохранилось и в обширном антропософском архиве в Дорнахе (Goetheanum Archiv, Rudolf Steiner Archiv). Фамилия «дорнахского антропософа»¹⁸ не появляется и в расширенном биографическом интернет-архиве Гетеанума. Возможно причиной тому может быть личность самого Лигского.

Польская исследовательница, знаток театрального искусства Малгожата Лыько, описывая эвритмические постановки Рудольфа Штейнера, очень четко характеризует одну из черт его личности: «Одиночество

¹² Кан Г.С. Наталья Климова. Жизнь и судьба. СПб., 2012.

¹³ Герман Александрович Лопатин — переводчик, революционер, член совета Первого интернационала.

¹⁴ Амфитеатов А.В. Повесть о добром большевике // Сегодня. 1931. № 183, 5 июля. URL: http://az.lib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_1931_povest_o_dobrom_bolshevike.shtml (дата обращения: 19.04.2017).

¹⁵ Переписка М. Горького с А.В. Амфитеатовым: Лит. наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988.

¹⁶ Переписка Б. Пильняка с Е. Спальвиным: «...Потому что в мире, ночами под луною — всегда человеку одиноко». Неизвестные письма из Архива внешней политики Российской Федерации. Публ., предисл. и коммент. Е. Гусевой // Знамя. 2015. № 6.

¹⁷ См. также письма самого К. Лигского: ИРЛИ Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 2152.

¹⁸ См.: <http://www.biographie.kulturimpuls.org>

Рудольфа Штейнера было особым, существенным, было отдельностью, обусловленной миссией строительства альтернативной цивилизации, опирающейся на христианскую посвятельную школу; это было одиночество человека, призывающего полноту бытия, человека посвященного, и в то же время открытое для другого человека и осуществляющееся в диалоге с другим»¹⁹. Привожу эту цитату только потому, что характеристика вполне может относиться и к личности Лигского. И дело здесь не в мистическом посвящении, а в экзистенциальном одиночестве, которое влекло человека к поиску тех, с кем можно было бы разделить непроницаемую действительность, согреть ищущую душу каторжника. Не случайно Андрей Белый отчетливо разделяет период обычной антропософской работы Лигского и затем его приверженность антропософии после личного разговора с Штейнером. Последний факт является значимым биографическим событием для первого поколения русских антропософов, связавших свою судьбу лично с Штейнером и только потом с антропософией как духовной школой²⁰.

В Дорнахе, снимая комнатку у Ильиной по соседству с Андреем Белым, Лигский трудится на постройке Гетеанума (первоначально Johannesbau). Гетеанум строили сами антропософы и симпатизировавшие ему, которых было около 150 человек различных национальностей и профессий. Основываясь на эстетических размышлениях И.-В. Гёте, Ф. Шиллера, а позже и Ницше, Штейнер предпринимает попытку создания нового антропософского направления в искусстве, понимаемого как практическое развитие человеческих способностей, направленных на развитие самосознания, а в перспективе — на преобразование духовной и материальной действительности. В этом ключе идеи Штейнера соединялись со взглядами Вл. Соловьева²¹, описывавшего человеческую силу творчества как силу создания и возвышения смысла бытия. Одним из центральных моментов реализации учения Штейнера стало здание Гетеанума, в котором воплотились его восприятие идеи метаморфозы Гёте и начало органической архитектуры²². Кроме того, замысел Гетеанума в практическом смысле представлял основные этапы антропософского посвящения.

¹⁹ *Leyko M.* Teatr w krainie utopii. Monte Verità, Mathildenhöhe, Hellerau, Goetheanum, Bauhaus, Słwo/obraz, terytoria. Gdańsk, 2012. S. 161. Перевод мой — Д.О.

²⁰ См. интереснейшие архивные материалы: Антропософский архив Л.А. Новикова в собрании Отдела рукописей ИМЛИ РАН / Ред. колл. Д. Оболенска, М. Rzeżuska, Д. Московская, М. Федоров. Gdańsk; Moskwa, 2017.

²¹ См.: *Гурвич Е.Б.* Владимир Соловьев и Рудольф Штейнер. М., 1993; *Бонецкая Н.К.* Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7; *Белый А.* Воспоминания о Штейнере // Собрание сочинений. Т. 7. М., 2000.

²² См.: Архитектура и антропософия / Сост. А. Соколиной. М., 2010.

В начале XX столетия лекции Штейнера вместе с русскими слушали также будущие польские антропософы. Среди них одной из первых была Ядвига Седлецка, посещавшая лекции доктора с 1907 г.; благодаря ее энтузиазму и бесконечным письмам к друзьям вскоре к слушателям присоединяется и Тадеуш Рихтер. В 1910 г. членом немецкого кружка становится польская художница Люна Дрекслер (Luna Drexler, 1882–1933). Все эти люди сыграли значительную роль в истории антропософского движения в Польше.

Гетеанум был запланирован как архитектурный комплекс, помимо центрального здания появилось еще двенадцать построек²³, в большинстве своем спроектированных Штейнером. Отдельные здания появились гораздо раньше, чем закончилось строительство первого Гетеанума; среди этих построек была и оконченная в 1914 г. стекольная мастерская, называемая Стеклянным домом (Glashaus)²⁴. Здесь над цветными витражами для Большого зала Гетеанума работали Т. Рихтер, жена Рихтера Анна Май, Ф. Седлецки²⁵, жена Седлецкого Ядвига Седлецка, братья фон Май²⁶, К. Лигский, будущая жена Лигского Гертруда фон Орт²⁷, Ася Тургенева, Эмма Столле²⁸ и др.

Сначала Лигский выполнял черновые работы по железу и дереву, потом перешел в стекольную мастерскую, возглавляемую польским антропософом Тадеушем Рихтером²⁹. Андрей Белый пишет: «То же случилось с “Л” [Лигским], начавшего с железа (черной работы) и ставшего спецом по стеклам; увидев стекла его, доктор сказал: “Вы талантливый человек”»³⁰. Лигский, работая в Стекольной мастерской, исполнил боко-

²³ Glashaus, Heizhaus, Haus Duldeck, три здания Eurythmiehäuser, Verlagshaus, Eurythmeum, а также жилые постройки.

²⁴ Детальное раскрытие архитектоники комплекса Гетеанума в Дорнахе: *Wiśniewska-Paź B. Społeczny wymiar obiektu Goetheanum w Dornach i jego sensy edukacyjne*. Wrocław, 2002.

²⁵ Франтишек Седлецки (Franciszek Siedlecki, 1867–1934) — живописец, гравер, в 1914–1919 гг. вместе с женой Ядвигой Седлецкой (Jadwiga Siedlecka, 1877–1952), эвритмисткой, работал над витражами первого Гетеанума.

²⁶ Вало фон Май (Walo von May, 1879–1928) связал свою жизнь с мюнхенской высшей школой искусств, его младший брат Ганс фон Май (Hans von May, 1883–1949) — поэт. Оба работали в Стекольной мастерской.

²⁷ Гертруда фон Орт (Gertrud von Orth) — художница, эвритмистка, жена К. Лигского, также работала по стеклам при постройке первого Гетеанума. После смерти сына Эразма в 1920-х гг. вернулась в Штутгарт, где работала над эвритмией.

²⁸ Эмма Столле (Emma Stolle, 1871–1956) — эвритмистка, в Дорнахе до 1956 г. Также работала над витражами Гетеанума.

²⁹ Тадеуш Рихтер (Tadeusz Rychter, 1870 — ок. 1943) — польский антропософ, в 1914–1920 гг. работал на постройке Гетеанума с женой Анной Май (Anna May, 1864–1954), по поручению Р. Штейнера заведовал Стекольной мастерской.

³⁰ Белый А. Воспоминания о Штейнере. С. 480.

вые стекла красного витража по рисункам Т. Рихтера и Ф. Седлецкого³¹, зеленое окно северного витража по рисунку Рихтера, центральное фиолетовое окно северного витража по рисунку Рихтера; боковые стекла вырезали Седлецкие³².

Работа была тяжелой и очень ответственной. Цветные стекла размером 3,70 метра на 70 сантиметров помещались на соответствующие стеллажи. Наносился заранее приготовленный и согласованный с Штейнером рисунок, и начиналась резьба по стеклу. Резной аппарат напоминал бормашину: снималось определенное количество пластов стекла и тем самым задавалась необходимая глубина, чтобы рисунок получил оттеночную перспективу. Случалось, что дорогостоящие стекла лопались под сильным нажимом, и приходилось начинать сначала.

Трудно однозначно ответить, как Лигский попал в стекольную мастерскую. Возможно, этому содействовало его увлечение живописью³³ или кратковременная учеба в Академии художеств в Риме в 1910 г., которую Лигский должен был оставить за неимением средств. А.В. Амфитеатров вспоминал: «Этого чудака мучительно тянуло ко всем искусствам, и ко всем он как будто обнаруживал некоторые способности и на всех одинаково срывался. Лигский решительно не мог видеть или слышать, что кто-либо делает нечто красивое, без того чтобы немедленно не попробовать самому: не осилю ли и я? Не по зависти, не по ревности к чужому таланту — нет, этой злой черты я никогда в нем не замечал»³⁴. Но не исключено, что супруги Седлецкие, работавшие тогда в стекольной мастерской³⁵, стали частыми посетителями дома Ильиной и там близко познакомились с Лигским.

Вместе с тем многонациональное антропософское общество в полной мере отразило разногласия, а порой и открытую неприязнь, возникавшие среди людей на фоне событий Первой мировой войны. Штейнер в это время читал специальные лекции для строителей Гетеанума³⁶,

³¹ Франтишка Седлецкого, уже известного художника и теоретика искусства, пригласил в Дорнах Тадеуш Рихтер.

³² См.: *Steiner R. Die Goetheanum — Fenster. Sprache des Lichtes. Entwürfe and Studien.* Dornach: Steiner Verlag, 1996.

³³ См. также: *Избранные стихи русских поэтов / Обл. работы К.А. Лигского. Серия сборников по периодам. Период третий.* СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1914. Вып. 1. (К. Фофанов — В. Брюсов). VI, 130 с.; Вып. 2. (А. Блок — М. Шагинян). VI, 314 с.

³⁴ *Амфитеатров А.В. Повесть о добром большевике.*

³⁵ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // *Минувшее: Исторический альм.* 8. Париж, 1989. С. 410.

³⁶ См., напр.: *Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Das Karma der Unwahrhaftigkeit — Erster Teil (GA 173) — 13 лекций, прошедших в Дорнахе и Базеле 4–31.12.1916.* Современный перевод: *Штайнер Р. Карма неправдивости. Окультиные средства массового воздействия и скрытые причины Первой мировой войны / Пер. Р. Джанибеяна, Л. Истомина. М.; Ереван, 2015.*

посвященные как антропософскому искусству, так и напряженной повседневной действительности. В стекольной мастерской также стали возникать недоразумения, Седлецкий явно критиковал стилистические проекты Штейнера³⁷. Вероятно, в Дорнах его привело чувство любопытства к разрабатываемой тогда новой технике работы по стеклу. Как устоявшийся художник он не мог согласиться с отдельными художественными разработками Штейнера. Разногласия между мировоззрением Седлецкого и антропософскими идеями привело к его выходу из Антропософского общества³⁸. В 1919 г. Седлецкий покидает Дорнах. Смягчение наступит после известия о поджоге и полном уничтожении первого Гетеанума в ночь с 31 декабря 1922 на 1 января 1923 г. Седлецкий, в 1923 г. будучи уже в Варшаве, писал: «Пришло к нам грустное сообщение — наши витражи в Дорнахе, над которыми мы работали столько лет, — уничтожены!! Они сгорели вместе со всем зданием в новогоднюю ночь. <...> Говорят, что перед смертью они выглядели красиво — как пишут в газетах, они разгорелись великолепным светом — раскрыли всё свое цветное и художественное великолепие и с грохотом провалились в ничто»³⁹.

Имя Лигского не возникало в связи с этой историей, и поэтому его отношение к напряженной ситуации в мастерской нам не известно. Странно, что даже когда он с отдачей работает над стеклами витражей в Дорнахе, воспоминания о нем скудны. Ася Тургенева, работавшая вместе с ним в стекольной мастерской, не упоминает «дорнахского антропософа» в своей книге⁴⁰. Насколько Лигский вошел в антропософию, будучи еще в Дорнахе, — неизвестно; можно лишь предположить, что как личность горячая и действующая вошел с головой, что в полной мере подтверждают слова Андрея Белого, преданного антропософа: «Август 1914 года: <...> я выходил в общую кухню (нашу и Ильиной) и присутствовал при сборище русских <...>, во время этих разговоров я близко сошелся с К.А. Лигским»⁴¹. Страстно увлекавшийся Андрей Белый и открывший свой характер Лигский могли сойтись только на почве антропософии, детально исследуемой и горячо воспринимаемой обоими.

³⁷ Белый А. Воспоминания о Штейнере. С. 475.

³⁸ Однако свою жену Седлецкий будет поддерживать в антропософской работе. Ядвига Седлецкая была председателем первого польского антропософского кружка, образованного в 1913 году в Варшаве.

³⁹ F. Siedlecki, list do Stefana Markowskiego, Warszawa, 13.I.1923 // Zakład Zbiorów Specjalnych, IS PAN, sygn. 1311. Цит. по: *Leyko M.* Teatr w krainie utopii. S. 195. Перевод мой — Д.О.

⁴⁰ Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М., 2002.

⁴¹ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 6. Париж, 1988. С. 415.

Но Лигский не оставил воспоминаний, что тоже, наверное, симптоматично. Остались витражи (по сути копии, поскольку большинство из них сгорело при пожаре Гетеанума), воспоминания и письма, в которых проявляется антропософская история Константина Андреевича. В 1917 г. он вернулся на родину, чтобы начать работу в русле новых политических событий, сотрудничая с советской властью и занимая ответственный пост в Петроградском совете.

Литература

Айдинян С. В ореоле памяти: Константин Бальмонт. Шуя: Изд. Музея К.Д. Бальмонта, 2005. URL: <http://aidinian.org.ru/knigi/st-ajdinyan-balmont-v-oreole-ramyati> (дата обращения: 19.04.2017).

Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 6. Париж: Atheneum, 1988. С. 337–448.

Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альм. 8. Париж: Atheneum, 1989. С. 409–471.

Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.

Андрей Белый, Григорий Санников: Переписка 1928–1933 / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Санникова. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 263 с.

Антропософский архив Л.А. Новикова в собрании Отдела рукописей ИМЛИ РАН / Ред. колл. Д. Оболенска, М. Rzeczycka, Д. Московская, М. Федоров. Gdańsk; Moskwa: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017.

Архитектура и антропософия / Сост. А. Соколиной. М.: КМК, 2010. 268 с.

Белый А. Воспоминания о Штейнере // Собрание сочинений. Т. 7. М.: Республика, 2000. 719 с.

Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7.

Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 11: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Кн. 2: 1906–1924. М.: Эллис Лак, 2015.

Гурвич Е.Б. Владимир Соловьев и Рудольф Штейнер. М.: Мартис, 1993.

Кан Г.С. Наталья Климова. Жизнь и судьба. СПб.: Изд-во им. Н. Новикова, 2012.

Лит. наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. 1079 с.

«...Потому что в мире, ночами под луною — всегда человеку одиноко». Известные письма из Архива внешней политики Российской Федерации. Публ., предисл. и коммент. Е. Гусевой // Знамя. 2015. № 6.

Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002.

Юнгрен М. Наталия Поццо и Варвара Кампиони: две сестры Аси Тургеневой // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2017.

Leyko M. Teatr w krainie utopii. Monte Verità, Mathildenhöhe, Hellerau, Goetheanum, Bauhaus, Słwo/obraz, terytoria. Gdańsk, 2012.

Wiśniewska-Paź B. Społeczny wymiar obiektu Goetheanum w Dornach i jego sensy edukacyjne. Wrocław: Wydawnictwo Instytutu Socjologii Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.

References

Aidinian S. *V oreole pamiati: Konstantin Bal'mont* [In the aureole of memory: Konstantin Balmont]. Shuya, Balmont Museum Publ., 2005. Available at: <http://aidinian.org.ru/knigi/st-ajdinyan-balmont-v-oreole-pamyati> (accessed 19.04.2017). (In Russ.)

Amfiteatrov A.V. *Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlia sebia i dlia mnogikh* [The life of a man who is uncomfortable for himself and for many], comp., ed. and comment. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. (In Russ.)

Andrei Belyi i antroposofia [Andrei Bely and anthroposophy], publ. by J. Malmstad. *Minuvshee: Istoricheskii al'm.* 6 [The past: Historical almanac. 6]. Paris, Atheneum Publ., 1988, pp. 337–448. (In Russ.)

Andrei Belyi i antroposofia [Andrei Bely and anthroposophy], publ. by J. Malmstad. *Minuvshee: Istoricheskii al'm.* 8 [The past: Historical almanac. 8]. Paris, Atheneum Publ., 1989, pp. 409–471. (In Russ.)

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik: Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik: Correspondence], publ., intro. and comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov and J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Andrei Belyi, Grigorii Sannikov: Perepiska 1928–1933 [Andrei Bely, Grigory Sannikov: Correspondence 1928–1933], comp., intro. and comment. by D.G. Sannikov. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2009. 263 p. (In Russ.)

Antroposofskii arkhiv L.A. Novikova v sobranii Otdela rukopisei IMLI RAN [L.A. Novikov's anthroposophical archive in the Institute of Russian Literature Manuscript Department], ed. by D. Oboleńska, M. Rzczycka, D. Moskovskaia, M. Fedorov. Gdańsk, Moskwa, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017. (In Russ.)

Arkhitektura i antroposofia [Architecture and anthroposophy], comp. by A. Sokolina. Moscow, KMK, 2010. 268 p. (In Russ.)

Belyi A. Vospominaniia o Shteinere [Memories of Steiner]. *Sobranie sochinenii. T. 7* [Collected works. Vol. 7]. Moscow, Respublika Publ., 2000. 719 p. (In Russ.)

Bonetskaia N.K. Russkaia sofologiia i antroposofia [Russian sophiology and anthroposophy]. *Voprosy filosofii*, 1995, no. 7. (In Russ.)

Gurvich E.B. *Vladimir Solov'ev i Rudolf Shteiner* [Vladimir Soloviev and Rudolf Steiner]. Moscow, Martis Publ., 1993. (In Russ.)

Jungren M. Nataliia Potstvo i Varvara Kampioni: dve sestry Asi Turgenevoi [Natalia Pozzo and Varvara Campioni: two sisters of Asya Turgeneva]. *Arabeski Andreia Belogo. Zhiznennyi put', dukhovnye iskaniia, poetika* [Andrei Bely's arabesques. Life path, spiritual quest, poetics], ed. by K. Ichin, M. Spivak. Belgrad, Moscow, 2017. (In Russ.)

Kan G.S. *Natal'ia Klimova. Zhizn' i sud'ba* [Natalia Klimova. Life and fate]. St. Petersburg, Izd-vo im. N. Novikova Publ., 2012. (In Russ.)

Leyko M. *Teatr w krainie utopii. Monte Verità, Mathildenhöhe, Hellerau, Goetheanum, Bauhaus, Słwo/obraz, terytoria*. Gdańsk, 2012.

Lit. nasledstvo. T. 95: Gor'kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizdannaiia perepiska [Literary heritage. Vol. 95: Gorky and Russian journalism of the early 20th century: Unpublished correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 1079 p. (In Russ.)

“...Potomu chto v mire, nochami pod lunoiu — vseгда cheloveku odinoko”. Neizvestnye pis'ma iz Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [“...Because in the world, at nights under the moon — a man is always lonely”. Unknown letters from the Russian Foreign Policy Archive], publ., intro. and comment. by E. Guseva. *Znamia*, 2015, no. 6. (In Russ.)

Turgeneva A. *Vospominaniia o Rudol'fe Shteinere i stroitel'stve pervogo Geteanuma* [Memoirs of Rudolf Steiner and the construction of the first Goetheanum]. Moscow, Novalis Publ., 2002. (In Russ.)

Voloshin M.A. *Sobranie sochinenii. T. 11: Perepiska s Margaritoi Sabashnikovoi. Kn. 2: 1906–1924* [Collected works. Vol. 11: Correspondence with Margarita Sabashnikova. Book 2: 1906–1924]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2015. (In Russ.)

Wiśniewska-Paź B. *Spoleczny wymiar obiektu Goetheanum w Dornach i jego sensy edukacyjne*. Wrocław, Wydawnictwo Instytutu Socjologii Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.

A story from letters and memoirs. Konstantin Ligsky — “anthroposophist of Dornach”

© 2018, Diana Oboleńska

Abstract: The article treats about Konstantin Ligsky, a well-known activist of the new communist regime in Russia after the 1917 revolution. In the research perspective, however, the analysis was subjected to the years 1914–1916, when Ligsky joined the Anthroposophical Society and worked on the construction of the Goetheanum in Dornach. The scant information, contained in the letters and memoirs of people who knew and became friends with Ligsky, allow to build a short story of “anthroposophist of Dornach”, as he was called by Andrei Bely.

Keywords: Konstanty Ligski, Anthroposophy, Dornach, stained glass.

Information about the author: Diana Oboleńska, Doctor Hab, Professor, University of Gdańsk, Poland. E-mail: diana.obolenska@ug.edu.pl

Citation: Oboleńska Diana. A story from letters and memoirs. Konstantin Ligsky — “anthroposophist of Dornach”. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 184–192.